

Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия

М. В. Головизнин

Российский университет медицины (Москва, Россия);
mvasilef@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0004-4615

Аннотация. Нами проанализирована эволюция взглядов на аорист в персидском языке в российской иранистике XIX–XX вв. Факты свидетельствуют, что в грамматиках персидского языка, изданных в России в XIX в., термин «аорист» употреблялся в исходном значении этого слова (греч. *aoristos* ‘неопределенный’) для обозначения непрошедших времен персидского глагола. Он был адаптирован для различения видовременных категорий персидского глагола, именовавшихся в начале XIX в. в рамках арабской традиции *فعل ماضي* (совр. *fi’l māḍī* ‘глагол прошедший’) и *فعل مضارع* (совр. *fi’l muḍāri* ‘глагол подобный’). Последний в российских грамматиках XIX в. именовался аористом. По мере внедрения в российскую иранистику терминов и понятий европейского языкознания и ее переориентации с книжного языка на разговорный фарси, буквальный смысл понятия «аорист» утратил свою актуальность, но этот термин, несмотря на попытки его элиминировать, закрепился в качестве обозначающего настоящее-будущее время сослагательного наклонения.

Ключевые слова: аорист, глагольные основы, история лингвистики, наклонение, персидский язык

Для цитирования: Головизнин М. В. Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 130–146.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.5

Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies

Mark V. Goloviznin

Russian University of Medicine (Moscow, Russia);
mvasilef@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-0004-4615

Abstract. In this paper I analyze the evolution of the meaning of the term “aorist” for Persian which was traditionally used in the Russian school of Iranian studies during the 19th and 20th centuries. The meaning of the Persian “aorist” does not correspond to that found in the grammars of ancient Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, etc.). Initially, in Persian grammars published in Russia in the 19th century, the term “aorist” was used in the literal meaning of this word (Greek *aoristos* ‘indefinite’) and denoted the non-past tenses of the Persian verb. The concept of “aorist” was adapted by the Russian orientalists of the 19th century to distinguish the aspect-tense categories of the Persian verb which were traditionally defined in the Arabic grammatical tradition as فعل ماضٍ (*fi’l māḍī*) and فعل مضارع (*fi’l muḍāri*). The latter was called “aorist”. As the terms and concepts of European linguistics were adopted in the Russian school of Iranian studies (which shifted its focus from classical written Persian to colloquial Farsi), the literal meaning of “aorist” lost its relevance. However, the term “aorist” survived, despite the attempts to eliminate it from Persian textbooks and grammars in Russia, and now denotes the non-past tense of the subjunctive mood.

Keywords: aorist, history of linguistics, mood, verbal stems, Persian

For citation: Goloviznin M. V. Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 130–146.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.5

В монографии Ю. А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка» [2001] термин «аорист» относится к формам сослагательного наклонения, которые используются при выражении желания, возможности, необходимости, допущения, понуждения к действию, косвенного приказания, условия и т. п. При этом автор указывает в сноске: «Термин “аорист”, получивший

распространение в работах западноевропейских авторов по отношению к настояще-будущему времени сослагательного наклонения, не соответствует подлинному значению этого термина (от греч. *aoristos* 'необозначенный'), используемого в грамматиках индоевропейских языков (греческого, старославянского, древнерусского, современных южнославянских) и обозначающего видо-временную форму недлительного действия, полностью относящегося к прошлому» [Там же: 249].

Данное терминологическое несоответствие между грамматиками персидского языка и других индоевропейских языков, древних и современных, не прошло в свое время и мимо нашего внимания, побудив разобраться в сути проблемы. Обозначение сходных по функции грамматических категорий в неродственных языках одним и тем же термином в лингвистике встречается нередко, достаточно вспомнить употребление термина «изафет». Но изафет в тюркских языках, персидском, как и идафа в арабском, будучи различными по строению и происхождению конструкциями, везде играют сходную роль, выражая связь определяемого слова с определением. «Аорист» в современном персидском языке и «аорист» в других индоевропейских языках кардинально не соответствуют друг другу, выражая не просто различные, а противоположные языковые реальности. Более того, термин «аорист» бытует не «в работах западноевропейских авторов», как указал Ю. А. Рубинчик, а именно в отечественной иранистике, в связи с чем иранские филологи, работающие в России, в своих публикациях на эту тему вынуждены давать специальные пояснения, ссылаясь на российскую лингвистическую традицию¹.

Целью настоящей работы является выяснение причин несоответствия в употреблении термина «аорист» в русскоязычной иранистической традиции и в индоевропеистике, а также анализ исторических обстоятельств, которые обусловили это несоответствие.

¹ Например, в кандидатской диссертации Нахид Джоландан Шейхи, выполненной на кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в качестве одного из положений на защиту было вынесено следующее: «Дополнительным фактором, затрудняющим освоение персидскоговорящими студентами русского глагольного вида, являются терминологические расхождения между персидской и русской грамматикой, в частности употребление терминов *аорист* и *аористическое значение*» [Шейхи 2011: 5].

Известно, в частности, что при описании восточных языков имеют место не всегда удачные попытки охарактеризовать их категории, не свойственные европейским языкам, в понятиях и терминах индоевропеистики. Для решения этой проблемы мы проанализировали несколько грамматик персидского языка, вышедших в нашей стране в XIX–XX вв.

Не имея намерения вдаваться в детали сравнительно-исторического языкознания, подчеркнем, что в случае персидского языка и в случае других индоевропейских языков — древних и современных — имеются в виду совершенно разные «аористы». В последнем случае речь идет о достаточно древнем грамматическом явлении, которое эволюционировало во времени, а его дефиниции формировались при сопоставлении древних языков Европы, прежде всего древнегреческого, с санскритом, древнеперсидским и некоторыми живыми языками, прежде всего славянскими. Аорист в персидском языке, по утверждению Ю. А. Рубинчика [2001: 249], является инновационной формой глагола, появившейся на стадии новоперсидского языка и не имеющей генетической связи с древним аористом.

Как оказалось, в российских грамматиках персидского языка термин «аурист» (в значении ‘неопределенный’) появился достаточно давно. Самой ранней из таких грамматик, обнаруженных нами, была «Краткая грамматика персидского языка, сочиненная и переведенная с персидского майором Аббас-Кули Агою Бакихановым»². Она была издана в Тифлисе в 1841 г.³ Автор, будучи офицером русской армии, собиравшим материал в годы русско-персидской войны 1820-х гг., ориентировался на арабские термины и понятия, которые являлись тогда образцом для описания многих восточных языков. Характеризуя глагольную парадигму, он,

² Баки-ханов (Бакиханов) Аббас-Кули-Ага Мирза-Мухаммед-оглы (1794–1846) — азербайджанский писатель, поэт, философ, дипломат и историк. Он исследовал, в частности, историю Азербайджана и Дагестана с древнейших времен до 1813 г. — времени заключения Гюлистанского договора между Россией и Ираном [ЭГД 2015: 64].

³ Из посвящения А. А. Бакиханова императору Николаю I, предпосланного тексту грамматики, можно сделать вывод, что эта грамматика была первой на русском языке: «Правила языка персидского, употребление коего, может быть, более всех других распространено в Азии, не были еще доселе ни определены в точности, ниже изданы в совокупности» [Бакиханов 1841: I–IV].

в частности, указывал: «Глагол происходит от неопределенного имени и имеет два положения: فعل ماضي — времени прошедшего и فعل مضارع — “ауриста”⁴, т. е. настоящего и будущего в одном окончании» [Бакиханов 1841: 19]. «Аурист” бывает трех родов: а) “аурист”, исключительно означающий будущее время, большую частью принимает в начале ب [приставку *bi*. — М. Г.] и показывает, что действие имеет совершиться; б) “аурист” общий, который имеет می, или همی [приставку *mī* или *hamī*. — М. Г.], означает настоящее и будущее время нераздельно; принадлежность его должно распознавать по свойству речи; в) “аурист” сложный, который делается через присоединение слова خواه *xāhad*. — М. Г.] к неопределенному и означает исключительно будущее время» [Бакиханов 1841: 67–68]. Таким образом, автор, сам или используя труды предшественников, «эллинизировал» арабский термин *fi'l mudāri'* (совр. ‘глагол подобный’), назвав его «ауристом». Эта «неопределенность» была, вероятно, связана как с грамматической многофункциональностью данной формы, так и с факультативностью употребления указанных выше приставок в классическом персидском языке.

Надо сказать, что в грамматиках арабского языка, изданных в первой половине XIX в., в частности в краткой грамматике А. В. Болдырева [1836], обе арабские формы, *fi'l māḍī* и *fi'l mudāri'*, именовались соответственно аористом 1-го и аористом 2-го типа. Эту «неопределенность» российские и, возможно, западноевропейские грамматисты связывали, вероятно, с необычным для языков Европы употреблением арабских глагольных форм. В арабском языке и «глагол прошедший», и «глагол подобный» в разных контекстуальных ситуациях могут выражать события и настоящего, и прошедшего, и будущего времени, что иллюстрирует А. В. Болдырев, приводя многочисленные примеры [Там же: 13–15, 28–31], см. рис. 1–2 ниже.

Возвращаясь к персидскому аористу, мы покажем, что установка считать «аористом» все непрошедшие времена персидского глагола (настояще-будущее время, сослагательное наклонение на-

⁴ Некоторые современные школы российской арабистики используют данную терминологию видовременных форм арабского глагола: فعل ماضي (*fi'l māḍī* ‘глагол прошедший’) и فعل مضارع (*fi'l mudāri'* ‘глагол подобный’). Последнее название дано по сходству этой формы с именным классом слов за счет наличия словоизменения [Лебедев 2020: 82, 88].

Болд
6195

КРАТКАЯ
АРАБСКАЯ
ГРАММАТИКА,

СОСТАВЛЕННАЯ

АЛЕКСЕЕМЪ БОЛДЫРЕВЫМЪ,

*Профессоромъ Восточныхъ языковъ при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ
Университетѣ.*

Издание второе

329
12

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.

Рис. 1. Титульный лист грамматики А. В. Болдырева
Fig. 1. The title page of A. V. Boldyrev's grammar

О ЗНАЧЕНИИ АОРИСТОВЪ.

А О Р И С Т Ъ I.

1. Прошедшее.

غَزَالٌ مَرَّةً عَطَشَ فَأَتَى إِلَى عَيْنِ مَاءٍ Однажды серна *покусавшись* жажду и *пошла* къ источнику воды.

قَدْ ذَكَّرْنَا وَزَارَةَ جِدَّهُمْ وَنَذَكَّرُ هَاهُنَا وَزَارَةَ الْبَاقِينَ Мы уже *разсказали* исторію о визирствѣ дѣда ихъ; теперь *разскажемъ* сдѣсь о визирствѣ прочихъ.

بَكَرَ إِلَى الْفَصْلِ فَوَجَدَهُ قَدْ بَكَرَ إِلَى دَارِ الرَّشِيدِ Онъ рано *поу-
тру* *пошелъ* къ Фадию и узналъ, что сей *ушелъ* уже во дворецъ Рашида.

2. Недавнoproшедшее.

إِذَا جَاءَ اللَّيْلُ جَعَلْنَا جَمِيعَ مَا لَنَا فِي سَرَائِبٍ Когда *насту-
пала* ночь, то мы *прятали* все свое имущество въ подзѣмелыя.

3. Давнoproшедшее. (сз ел. كان)

كُنْتُ عَرَفْتُهُمْ Я *давно* *зналъ* ихъ.
لَوْ كُنْتُ عَلِمْتُ ذَلِكَ لَضَرَبْتُكَ Еслибы я *зналъ* это преж-
де, то *прибилъ* бы тебя.

4. Будущее.

إِنْ فَعَلْتُ ذَلِكَ صِغْتُ مَا إِلَى Еслили я *сдѣлаю* это, то *потеряю* все свое имущество.

إِنْ كَثُرَتْ عَظْمُهَا تَبِصُّ بِصَتَيْنِ Еслили *умножу* кормъ ея, то она *станетъ* нести по два яйца.

جَالِسٌ أَهْلَ الْعِلْمِ وَالْحِكْمَةِ وَأَكْثَرَ مَنَافِعِهِمْ فَإِنَّكَ إِنْ كُنْتُ

Рис. 2. Раздел грамматики А. В. Болдырева с описаніем типов аориста

جَاهِلًا عَلِمْتَ وَإِنْ كُنْتَ عَالِمًا إِزِدَدْتَ عِلْمًا Сипарайся бытъ въ обществѣ съ людьми умными и учеными и чаще бесѣдуй съ ними; ибо, естъли ты ничего не знаешь, то они *научатъ* тебя; естълиже знаешь что нибудь, то *умножишь* свои познанія.

5. Н а с т о я щ е е.

مَنْ كَتَمَ سِرَّهُ بَلَغَ مُرَادَهُ Кто скрываетъ тайну свою, тотъ *достигаетъ* желаемого.

مَنْ صَبَرَ غَنِمَ مَنْ سَكَتَ سَلِمَ Кто терпитъ, тотъ *выигрываетъ*; кто молчитъ, тотъ *остаётся* цѣль.

6. Ж е л а т е л ь н о с т ь.

..... اللَّهُ تَعَالَى Богъ, да *будетъ* онъ превознесенъ

..... الرَّشِيدُ دَامَ مُلْكُهُ Рашидъ, да *продлится* его царствованіе

..... سَيِّدٌ لَعَنَهُ اللَّهُ Сендъ, да *проклянетъ* его Богъ

А О Р И С Т Ъ П.

1. Б у д у щ е е.

إِقْنَعْ بِمَا قَسَمَ اللَّهُ تَكُنْ غَنِيًا Довольствуйся тѣмъ, что даровалъ тебѣ Богъ, — и ты *будешь* богатъ.

سَأَقْتَرِحُ عَلَيْهِ هَذِهِ الْجَارِيَةَ وَأَدُلُّهُ عَلَيْكَ Я непременно *потребую* у него эту двушку и *пошлю* его къ тебѣ.

2. Н а с т о я щ е е.

مَا يَزُكِّي الْإِنْسَانَ بِشَهَادَةِ أَهْلِ بَيْتِهِ Никто не *опрядываетъ* свидѣтельствомъ своихъ домашнихъ.

وَأَنْتَ أَبْقَاكَ اللَّهُ لَكَ نَجَارٌ يَعْمَلُونَكَ وَأَنَا أَسْأَلُكَ أَنْ تَقْتَرِصَ لِي А у тебя — да *продлится* Богъ жизнь твою — естъ купцы, которые *имѣютъ* съ тобою дѣла, п я *прошу* тебя заглянуть для меня

وَأِنِّي أَسْتَحْيِي أَنْ أُعْلِمَ أَحَدًا بِذَلِكَ وَأَنْفَ أَنْ أَسْأَلَ жусь *скажешь* кому нибудь объ этомъ и не *хочу* просить

Fig. 2. The section of A. V. Boldyrev's grammar devoted to aorist types

стоящего времени и будущее категорическое) в той или иной мере сохранялась в российской иранистике вплоть до конца 1920-х гг. Вместе с тем развитие европейского языкознания стимулировало российских востоковедов к отходу от традиционных арабских грамматических категорий и внедрению в восточную филологию понятий и терминов, выработанных в европейской лингвистике. Уже в грамматиках персидского языка, изданных И. Н. Березиным в 1853 г. и Мирзой Джафаром в 1901 г., авторы при описании персидского глагола не используют употребляемые Бакихановым два базовых временных «положения» персидского глагола: *fi'l mādi* — прошедшее и *fi'l mudāri* — настоящее-будущее. Оба автора разделяют персидские глаголы на «правильные» и «неправильные». Они выделяют четыре залога (действительный, средний, страдательный и принуждающий), три наклонения (изъявительное, повелительное и неопределенное), три времени (прошедшее, настоящее и будущее) и несколько «видов» или «форм» глагола [Березин 1853: 172–189; Джафар 1901: 73–95]. «Аорист» упоминается ими как бы вскользь. И. Н. Березин пишет следующее: «настоящее неопределенное или аорист образуется из повелительного через прибавление личных глагольных окончаний: например, خوان — читай, خوانم — читаю⁵. Настоящее определенное время образуется из повелительного наклонения, прибавляя впереди частицу *mi* или *hami*, а в конце личные окончания глагола» [Там же: 188]. В то же время ту же форму основы с частицей *bi*, например *bipursam* ‘я спрошу’⁶, И. Н. Березин не причисляет к аористу, относя ее или к «определенному будущему времени» [Там же: 189], или к повелительному наклонению [Там же: 187]. Он, как и многие другие авторы, фиксирует бытовавшую в персидской поэзии результативную форму «прошедшего

⁵ Приведем фонологическую запись примеров: *xān* — основа настоящего времени глагола *xāndan* ‘читать’, а также форма императива второго лица единственного числа (‘(ты) читай’); *xānam* — основа настоящего времени глагола *xāndan* ‘читать’ с личным окончанием первого лица единственного числа (-am). В данном случае И. Н. Березин, как и ранее А. А. Бакиханов, отождествляет «аорист» с основой настоящего времени изъявительного наклонения, к которой при спряжении присоединяются личные окончания.

⁶ Такой перевод у И. Н. Березина. В современном персидском языке форма *bipursam* имеет другое значение — ‘Спрошу-ка я’ или ‘Можно я спрошу?’.

окончательного времени», в которой также используется частица *bi*: например, *bikuštam* ‘я (окончательно) убил’ [Там же: 188]. Любопытно, что эта результативная форма, наиболее близкая по функции к славянскому или древнегреческому аористу, в отечественной традиции иранистики аористом никогда не именовалась. По крайней мере в доступных для изучения грамматиках персидского языка нам это не встретилось.

Мирза Джафар существенно поправил утверждения И. Н. Березина. По его мнению, «аорист употреблялся *некогда* [курсив наш. — М. Г.] в смысле настоящего времени изъявительного наклонения {...} он встречается в пословицах или изречениях, но здесь он уже колеблется по значению между будущим временем и сослагательным или повелительным наклонением. {...} Во всех этих случаях разговорная речь требует приставки частицы *bi*» [Джафар 1901: 106]. М. Джафар на многих примерах из живого, современного ему персидского языка, анализируя, в частности, употребление «аориста» в придаточных предложениях, дает дефиницию этой грамматической категории, близкую к современной. Он, в отличие от И. Н. Березина, постулирует, что аорист имеет значение более модальное, чем временное: *bipursam* ‘чтобы я спрашивал’, ‘если спрошу’ [Там же: 91, 105, 110].

Предварительно обобщим. На протяжении XIX в. научная парадигма российских филологов-иранистов претерпевала эволюцию. В первой половине столетия грамматики персидского языка ориентировались на книжный язык и бытовавшую в Иране арабскую грамматическую традицию. При этом термин «аорист» в буквальном его смысле (‘неопределенный’) был адаптирован авторами для лучшего, по их мнению, понимания как собственно арабских видовременных категорий глагола, так и тех, которые существовали в современном им персидском языке. Эта адаптация происходила, по-видимому, без учета сведений из классической филологии, где осмысление категории аориста шло своим путем и также было далеко от завершения. Ближе к концу XIX в. в российской иранистике вызревала и противоположная тенденция — отойти от арабских грамматических категорий, ориентируясь в большей степени на европейское языкознание, а в практике — на живой персидский язык. В последнем на протяжении двух столетий происходили специализация и обособление глагольных категорий. Так,

если в языке классического периода употребление частиц *mi* и *bi* перед глаголами было факультативным, то к началу XX века оно становилось все более обязательным. Вместе с этим происходило более четкое «размежевание» настоящего времени изъявительного наклонения, категорического будущего времени (требующего вспомогательного глагола 'хотеть' от основы настоящего времени *xāh-* с личными окончаниями) и сослагательного наклонения. При этом само употребление термина «аорист» в русских грамматиках персидского языка было поставлено под вопрос.

Полное избавление от термина «аорист» впервые произошло в «Грамматике персидского языка» Е. Э. Бертельса, вышедшей в 1926 г. Упразднив данный термин, он выделяет в персидском глаголе основу настоящего времени. От нее, согласно автору, путем специализации с помощью частицы *mi* образуется собственно настоящее время изъявительного наклонения, а путем специализации с помощью частицы *bi* настоящее время приобретает значение сослагательного наклонения (в некоторых случаях — будущего времени). Прошедшее время от присоединения частицы *bi* приобретает значение однократности или законченности действия [Бертельс 1926: 60].

Вместе с тем полного отказа от термина «аорист» в отечественной парадигме описания персидского глагола не произошло. Р. А. Галунов сохраняет за термином «аорист» обозначение категории, образованной от «корня» глагола, указывая, как и М. Джафар, на его модальное значение и образование с его помощью желательного наклонения [Галунов 1922: 27, 30]. Л. И. Жирков в «Элементарной грамматике персидского языка», вышедшей в 1927 г., уже после издания книги Е. Э. Бертельса, как бы споря с последним, вводит понятие «основа аориста», противопоставляя ее основе прошедшего времени персидского глагола⁷. По его мнению, от «основы

⁷ Нам неизвестно, вели ли Е. Э. Бертельс и Л. И. Жирков прямую полемику по поводу персидского «аориста», но мы считаем нужным отметить, что разными терминами у них именовалась одна и та же грамматическая реальность: «основа настоящего времени» у Е. Э. Бертельса и «основа аориста» у Л. И. Жиркова. В последующих иранистических трудах в отношении наименования основы персидского глагола закрепилась точка зрения Е. Э. Бертельса.

аориста» образуется как настояще-будущее время, так и «аорист». Образованный от этой основы «аорист» (греческое слово, означает неопределенное время) [примечание Л. И. Жиркова. — М. Г.] употребляется в современной разговорной речи после союзов условия и цели ('если бы', 'чтобы'). «Форма эта выражает будущее действие, но не намеренное, не непременно наступающее, а или чем-нибудь обусловленное ("если бы") или указываемое в речи в виде цели, которая ведь может быть и не достигнута (...)». Все случаи употребления аориста объединяются одной общей идеей этого времени: утверждение будущего действия, но не категорическое» [Жирков 1927: 62–63]. Основа аориста, как пишет Л. И. Жирков, имеет значение повелительного наклонения, но она употребляется в этом значении только в литературном языке, а в разговорном преобладает другая форма повелительного наклонения [Там же: 59–60]⁸. Такое «возвращение к истокам» — двум главным основам персидского глагола, которые вслед за арабскими грамматистами выделяли первые российские иранисты и арабисты, произошло, на наш взгляд, еще и потому, что глагольная парадигма персидского языка со множеством форм, сконструированная на основе категорий европейской классической филологии позднейшими филологами, в частности И. Н. Березиным (см. выше), оказалась громоздкой и не лишенной противоречий.

Современные отечественные филологи-иранисты в описании парадигмы персидского глагола во многом стоят на позиции Е. Э. Бертельса, отождествившего «аорист» с сослагательным наклонением. Так, в многотомном издании «Основы иранского языкознания», в части, касающейся языков фарси, таджикского и дари, авторы отмечают термин «так называемый аорист» [Ефимов и др. 1982: 156] в этих современных языках как определенный анахронизм и уточняют: «форму настояще-будущего времени

⁸ Эта сентенция Л. И. Жиркова по поводу другой формы повелительного наклонения нам не вполне ясна. Далее автор пишет, что второе лицо единственного числа повелительного наклонения «имеет особую форму, хотя и близкую по типу образования к аористу» — *bi* + основа аориста без окончания, но в таких выражениях, как «Сделайте это!», «Пусть вы это сделаете», употребляется аорист, который заменяет второе лицо множественного числа повелительного наклонения [Жирков 1927: 63].

сослагательного наклонения в персидском, таджикском языках и дари традиционно называют аористом. Ее не следует смешивать с аористом древнеиранских языков, который был одной из форм прошедшего времени индикатива» [Там же: 184]. Сослагательное наклонение настоящего-будущего времени сложилось на базе унаследованной от классического периода беспрефиксальной (в персидском языке также с префиксом *bi*) формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. По мнению авторов, это произошло «после XVI в. в упомянутых выше трех современных языках, развившихся на базе классического» [Там же: 171]. Интересно, что — вопреки А. А. Бакиханову, который называл аористом все непрошедшие времена персидского глагола, опираясь на арабскую терминологию, принятую в описании именно классического персидского языка, — В. А. Ефимов и соавторы вообще не упоминают «аорист» применительно к языку классического периода. Возможно, труды А. А. Бакиханова и И. Н. Березина ими были расценены как неактуальные для современного языкознания. Надо также сказать, что в современной учебной литературе, например в неоднократно переизданном учебнике персидского языка для первого года обучения В. Б. Иванова [1999], термин «аорист» в применении к современному персидскому языку (возможно, из-за его краткости) употребляется, во-первых, часто, во-вторых, без кавычек и без оговорки «так называемый».

Таким образом, «диалектическая спираль» развития проблемы термина «аорист» в российской иранистике, где явно заметно отрицание противоположностей друг другом и повторение в новом черт старого, может быть завершена определением Ю. А. Рубинчика аориста как настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, которое часто маркируется частицей *be* перед глагольной основой [Рубинчик 2001: 249–250]. Можно задать вопрос, почему термин «аорист в персидском языке» столь жизнеспособен, несмотря на явное несоответствие его общепринятому индоевропейскому понятию аориста⁹. Нельзя не сказать, что определенный

⁹Как мы писали выше, попытка Е. Э. Бертельса в 1926 г. элиминировать термин «аорист» из грамматики персидского языка не оказалась общепринятой.

консерватизм научной терминологии является в истории науки объективной реальностью. Так, например, в клинической медицине названия некоторых нозологий восходят еще к временам Галена и не соответствуют современным представлениям о природе этих нозологий, а иногда даже явно противоречат современной медицинской науке.

Что касается предмета данной статьи, то мы хотели бы обратить внимание на работу [ван дер Аувера, Схаллей 2004], где авторы описали исторически обусловленные несовпадения употребления лингвистических терминов (субъюнктив, оптатив, конъюнктив и др.) в различных лингвистических школах XX–XXI вв. Авторы в заключение указывают, что «непременным условием их [тех или иных терминов. — М. Г.] использования должно быть всё же согласие специалистов по данному языку в отношении употребления того или иного термина» [Там же: 84–85]. В связи с указанным выше, автор настоящей статьи хотел бы намеренно воздержаться от предложений по замене понятия «аорист в персидском языке» другим термином, предоставив эту возможность лингвистам-типологам (и надеясь при этом на их консенсус). Не вдаваясь в дискуссии о генезе аориста в новоперсидском языке, мы, тем не менее, обратим внимание на близость функций современного персидского «аориста» и категории юссива в некоторых семитских языках, особенно древних. С учетом очень длительного влияния семитских языков на персидский на разных стадиях его развития, сопоставление генеза и функций этих двух категорий может дать интересные результаты.

Л и т е р а т у р а

- Бакиханов 1841 — А. А. Бакиханов. Краткая грамматика персидского языка, сочиненная и переведенная с персидского майором Аббас-Кули Агою Баки-хановым. Тифлис: Типография Я. и Д. Арзановых, 1841.
- Березин 1853 — И. Н. Березин. Грамматика персидского языка, составленная И. Н. Березиным. Казань: Типография Казанского университета, 1853.
- Бертельс 1926 — Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л.: Издание Института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе, 1926.

- Болдырев 1836 — А. В. Болдырев. Краткая арабская грамматика, составленная Алексеем Болдыревым, профессором Восточных языков при Императорском Московском университете. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1836.
- ван дер Аувера, Схаллей 2004 — Й. ван дер Аувера, Э. Схаллей. От оптатива и конъюнктива к ирреалису // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 75–85.
- Галунов 1922 — Р. А. Галунов. Краткая грамматика персидского языка. М.: Б. и., 1922.
- Джафар 1901 — М. Джафар. Грамматика персидского языка, составленная Мирзою Джафаром, преподавателем персидского языка в специальных классах при Лазаревском институте восточных языков. 2-е изд. М.: Типография и словолитня Оттона Осиповича Гербека, 1901.
- Ефимов и др. 1982 — В. А. Ефимов, В. С. Расторгуева, Е. Н. Шарова. Персидский, таджикский, дари // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982. С. 5–230.
- Жирков 1927 — Л. И. Жирков. Персидский язык. Элементарная грамматика. М.: Издание Института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР, 1927.
- Иванов 1999 — В. Б. Иванов. Учебник персидского языка. М.: Издательство Московского университета, 1999.
- Лебедев 2020 — В. В. Лебедев. Более полувека в арабистике. Из опыта моей учебно-методической и научно-исследовательской работы. М.: ВКН, 2020.
- Шейхи 2011 — Н. Дж. Шейхи. Функционирование несовершенного вида глагола в русском языке: проблемные случаи для носителей персидского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2011.
- Рубинчик 2001 — Ю. А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, 2001.

Источники

ЭГД — Г. Я. Гусейнов. Энциклопедия города Дербента. Махачкала: Лотос, 2015.

References

- Bakikhanov 1841 — A. A. Bakikhanov. *Kratkaya grammatika persidskogo yazyka, sochinennaya i perevedennaya s persidskogo mayorom Abbas-Kuli Agoyu Baki-khanovym* [A brief grammar of the Persian language, compiled and

- translated from Persian by Major Abbas-Kuli Aga Baki-khanov]. Tiflis: Printing house of Ya. and D. Arzanov, 1841.
- Berezin 1853 — I. N. Berezin. *Grammatika persidskogo yazyka, sostavlennaya I. N. Berezinyim* [Grammar of the Persian language, compiled by I. N. Berezin]. Kazan: Press of the Kazan University, 1853.
- Bertels 1926 — Ye. E. Bertels. *Grammatika persidskogo yazyka* [Grammar of the Persian language]. Leningrad: Press of the A. S. Yenukidze Oriental Institute, 1926.
- Boldyrev 1836 — A. V. Boldyrev. *Kratkaya arabskaya grammatika, sostavlennaya Alekseyem Boldyrevym, Professorom Vostochnykh yazykov pri Imperatorskom Moskovskom Universitete* [A brief Arabic grammar, compiled by Alexei Boldyrev, Professor of Oriental languages at the Imperial Moscow University]. 2nd edn. Moscow: University Printing House, 1836.
- Dzhafar 1901 — M. Dzhafar. *Grammatika persidskogo yazyka, sostavlennaya Mirzoyu Dzhafarom, prepodavatelem persidskogo yazyka v spetsialnykh klassakh pri Lazarevskom institute vostochnykh yazykov* [A grammar of the Persian language, compiled by Mirza Dzhafar, teacher of the Persian language in the special classes of the Lazarev Institute of Oriental Languages]. 2nd edn. Moscow: Printing house and letter-foundry of Otton O. Gerbek, 1901.
- Galunov 1922 — R. A. Galunov. *Kratkaya grammatika persidskogo yazyka* [A brief grammar of the Persian language]. Moscow: S. n., 1922.
- Ivanov — V. B. Ivanov. *Uchebnik persidskogo yazyka* [A textbook of Persian]. Moscow: Moscow University Press, 1999.
- Lebedev 2020 — V. V. Lebedev. *Boleye poluveka v arabistike. Iz opyta moyey uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoy raboty* [More than half a century in Arabic studies. From the experience of my teaching and research work]. Moscow: VKN, 2020.
- Rubinchik 2001 — Yu. A. Rubinchik. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern literary Persian language]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.
- Sheikhi 2011 — N. J. Sheikhi. *Funktsionirovaniye nesovershennogo vida glagola v russkom yazyke: problemnyye sluchai dlya nositeley persidskogo yazyka* [Functionality of the imperfective aspect of the verb in Russian: Problematic cases for native speakers of Persian]. Author's abstract of candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 2011.
- van der Auwera, Schalley 2004 — J. van der Auwera, E. Schalley. *Optativa i konjunktiva k irrealisu* [From Optative and Subjunctive to Irrealis] // Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3. Irrealis i irrealnost* [Studies in the theory of grammar. Iss. 3. Irrealis and irreality]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 75–85.
- Yefimov et al. 1982 — V. A. Yefimov, V. S. Rastorguyeva, E. N. Sharova. *Persidskiy, tadjikskiy, dari* [Persian, Tajik, Dari] // V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy*

iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiyskiye yazyki [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The western group, Caspian languages]. Moscow: Nauka, 1982. P. 5–230.

Zhirkov 1927 — L. I. Zhirkov. *Persidskiy yazyk. Elementarnaya grammatika* [Persian. An elementary grammar]. Moscow: Press of the Narimanov Institute of Oriental Studies at the Central Executive Committee of the Soviet Union, 1927.

Получено / received 31.07.2024

Принято / accepted 26.11.2024